

ГОЛУБОГЛАЗЫЙ ЮНОША

ИДЕАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

ЧУДО

ГОРЬКИЙ МЕД

ЗОЯ

Часть I

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Глава 1

Тройка неслась по заснеженной равнине. Зоя закрыла глаза, всем своим существом отдаваясь этому стремительному движению: небесной музыкой звучал в ее ушах звон бубенцов, пушистый снег целовал, казалось, ее размянчившиеся щеки. Она чувствовала себя в свои семнадцать совсем взрослой и одновременно испытывала детский восторг, когда Федор подхлестывал лоснящихся вороных и те мчались еще быстрее.

...Вот уже промелькнула мимо деревня, вот показались и стали приближаться два дворца-близнеца на въезде в Царское Село. Зоя улыбнулась им и стянула с левой руки меховую рукавичку, чтобы взглянуть на часы. Она обещала матери непременно быть дома к обеду и исполнит свое обещание, если... если только они не заболтаются с Машей, а это вполне вероятно. Великая княжна Мария Николаевна, Мари, Машка, была ее лучшей подругой, больше, чем подругой, — сестрой.

Федор, обернувшись с козел, улыбнулся ей, а она звонко рассмеялась от радости. Какой чудесный нынче день! Она всегда любила балет: атласные туфельки и сейчас лежали рядом с нею на сиденье. Да, с самого раннего детства ей хотелось танцевать, и она не раз по секрету признавалась Маше, что мечтает сбежать

из дому, поступить в Мариинский театр и репетировать, репетировать день и ночь! Улыбка вновь тронула ее губы: это была мечта, о которой нельзя было даже и сказать вслух, ибо люди ее круга не могли стать профессиональными танцовщиками. Но Зоя знала, что у нее есть талант, знала чуть не с пяти лет, и занятия с мадам Настовой были для нее необыкновенной отрадой. Она не шадилась на репетициях и в «классе», втайне надеясь, что в один прекрасный день ее заметит великий хореограф Фокин...

Постепенно мысли ее обратились к подруге — ведь это к ней, к Маше, мчала ее сейчас тройка. Отец Зои, Константин Юсупов, и император Николай были троюродными братьями, а ее мать Наталья, как и Александра Федоровна, была немкой. У них с Машей все было общее — и вкусы, и пристрастия, и интересы, и мечты: в детстве они боялись одного и того же, от одного и того же получали радость... Как же могла она не приехать сегодня к Маше, хоть и обещала матери, что не станет бывать в Царском, пока там все больны корью? Но ведь Маша-то чувствует себя превосходно, она совершенно здорова, а к остальным княжнам Зоя заходить не будет... Накануне Маша прислала ей записочку, где жаловалась на то, как ей тоскливо и скучно одной — и сестры, и брат-наследник лежат по своим комнатам.

Крестьяне уступали тройке дорогу, сходя к обочине. Федор покрикивал на вороных. Он еще мальчиком был взят в услужение к деду Зои. Лишь для нее рискнул бы он навлечь на себя гнев барина и вызвать холодное, сдержанное неудовольствие барыни. Зоя, однако, пообещала, что никто ничего не узнает об их поездке в Царское. Ведь он возил ее туда тысячу раз: Зоя чуть ли не ежедневно навешала великих княжон. Что из того, если у наследника и его сестер — корь?

Алексей — еще совсем мальчик, и к тому же у него слабое здоровье, он очень хрупок и болезнен, что всем известно. А Зоя — барышня здоровая, сильная и уж такая милая... В жизни своей не видывал Федор такой славной девочки. А его жена Людмила нянчила ее еще в младенчестве. Людмила умерла год назад от горячки, и потеря эта была для него ужасна, тем более что детей им бог не дал. Единственными близкими Федору людьми стали его господа.

У ворот Федор осадил лошадей, от которых валил пар. Снег пошел гуще. К саням приблизились двое казаков в высоких меховых шапках и зеленых шинелях. Вид у них был грозный — но лишь до тех пор, пока они не узнали кучера и седока. И Федор, и Зоя были в Царском Селе всем хорошо известны. Казаки отдали честь, и тройка, минуя Федоровскую часовню, двинулась к Александровскому дворцу, который императрица любила больше других. В Зимнем дворце в Петербурге августейшая чета бывала только по случаю придворного бала или какой-нибудь торжественной церемонии. В мае они выезжали на дачу в Петергоф, лето проводили на яхте «Полярная звезда» или в Польше, а в сентябре всегда уезжали в Ливадию. Зою они часто брали с собой, и она проводила с ними все лето, пока не начинались занятия в Смольном институте. Ей тоже Александровский дворец нравился больше всех, это было любимое ее место. Она даже потребовала, чтобы ее комнату оклеили обоями точно такого же розовато-лилового оттенка, как и в спальне императрицы — тети Аликс. Мать удивлялась этому желанию, но все же выполнила его. А Мари всегда говорила, бывая у Зои, что словно бы и не уезжала из Царского.

Федор спрыгнул с козел, когда двое подбежавших конюхов взяли лошадей под уздцы, и, протянув руку,

помог Зое вылезти из саней. Воротник ее шубки заиндевел и был запорошен снегом, щеки разрумянились от мороза и двухчасовой скачки. «Успею выпить с Мари чаю», — подумала она и вошла во дворец. А Федор вернулся к лошадям. Среди царских конюхов у него было немало приятелей, которым он рассказывал городские новости, коротая время в ожидании барышни.

Скинув шубу на руки горничным, Зоя сняла собольий капор, и по плечам рассыпались ее пышные, необыкновенно густые ярко-рыжие волосы, неизменно привлекавшие к себе всеобщее внимание, когда она ходила без шляпы, как, например, летом в Ливадии. Наследник Алексей очень любил дразнить ее рыжей и нежно перебирать эти огненные пряди. Для него Зоя была пятой сестрой: она была всего на две недели старше Мари, и они с детства пестовали мальчика, которого и мать, и сестры продолжали называть Беби, хотя ему было уже двенадцать лет. Сейчас Зоя спросила у горничных о его здоровье.

— Беденький, он весь покрылся ужасной сыпью и сильно кашляет, — покачала головой старшая из них. — Мсье Жильяр целый день провел сегодня у его постели. А государыня ухаживала за девочками.

Алексей заболел корью первым и заразил Ольгу, Татьяну и Анастасию. Вот почему мать не хотела, чтобы Зоя ездила в Царское Село. Но ведь Мари здорова, а в своем письмеце она так жалобно просила Зою приехать. «Пожалуйста, милая Зоя, навести меня, если только мама тебя отпустит...»

Зоя, блеснув своими зелеными глазами, поправила волосы и одернула тяжелое шерстяное платье, на которое после урока балета сменила форменное институтское. Потом пошла по бесконечному вестибюлю к лестнице, которая должна была привести ее к хоро-

шо знакомой двери спартански обставленной комнаты, где жили Маша и Анастасия. Она миновала кабинет флигель-адъютанта царя, князя Мешерского, но он был так погружен в работу, что не заметил девочку, которая даже в тяжелых сапожках прошла мимо почти бесшумно. Минуту спустя она уже стучалась в дверь.

— Да?

Повернув ручку двери одним изящным движением, Зоя — ее рыжие волосы летели впереди, словно извещая о ее прибытии, — просунула голову в щель. Мари задумчиво стояла у окна. При виде подруги ее голубые глаза вспыхнули от радости, и она кинулась, широко раскинув руки, навстречу Зое.

— Машка, я приехала спасать тебя от скуки!

— Слава богу! А то я чуть не умерла с тоски. Все, ну просто все заболели! Даже у бедной Анны корь. Ее положили в комнате, которая примыкает к маминим покоям. А мама хочет за всеми ухаживать сама. И целый день то кормит их, то поит с ложечки, а когда они засыпают, уходит к раненым. У нас теперь тут не один лазарет, а целых два!.. — Она откинула свои темно-русые волосы назад. Зоя засмеялась.

Соседний Екатерининский дворец с начала войны был превращен в госпиталь, и императрица, надев косынку с красным крестом, без усталости работала там сама и ожидала того же от дочерей. Впрочем, Мари очень тяготилась этими обязанностями.

— Это невыносимо! — продолжала она. — Я думала, что и ты не приедешь. Мама будет ужасно сердиться, когда узнает, что это я тебя позвала.

Девушки, взявшись за руки, пересекли комнату и сели у камина. Обстановка в этой комнате, где жили Мария и Анастасия, была самая простая и непритязательная: железные кровати, застеленные крахмальным бельем, маленький стол, и на камине — единственное

украшение: коллекция пасхальных яиц — малахитовых, деревянных, украшенных искусной росписью. В «детских», как по привычке все называли комнаты великих княжон, не было и намека на ту роскошь, с которой были убраны покои царя и царицы и другие апартаменты дворца. На спинке одного из двух стульев был повешен вышитый головной платок — это была работа ближайшей подруги царицы, фрейлины Анны Вырубовой, той самой, о которой только что упомянула Маша. Именно эта близость и привела к тому, что Анна заразилась корью и слегла. Девушки улыбнулись с некоторым превосходством — они-то обе были здоровы.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — спросила Зоя, казавшаяся еще стройнее и изящней в плотном шерстяном платье, надетом в дорогу. Она была ниже ростом и миниатюрней, чем Мари, считавшаяся в семье самой красивой. Она унаследовала голубые отцовские глаза и его обаяние. Драгоценности и наряды были ее слабостью в отличие от почти равнодушных к ним сестер: в этом они сходились с Зоей и могли часами обсуждать туалеты знакомых дам и примерять шляпы и украшения графини Натальи Юсуповой.

— Прекрасно, — ответила Мари, — жалко только, что нельзя будет поехать с Ольгой в Петроград. — По давней традиции их тетка, великая княгиня Ольга Александровна, забирала детей и увозила их на обед к бабушке в Аничков дворец или в гости к кому-нибудь из близких друзей.

— Так я и знала, — огорченно произнесла Зоя, — а мне так хотелось показать тебе мое новое платье: бабушка из Парижа привезла.

Зоина бабушка, графиня Евгения Петровна, была женщиной весьма замечательной. В восемьдесят один год она сумела сохранить и изящество стройной фигуры, и молодой блеск зеленых глаз. Все находили,

что Зоя — вылитая Евгения Петровна в молодости. Зоина мать была высокая, тонкая, томная красавица с пепельно-белокурыми волосами и серо-голубыми глазами. Она принадлежала к тому типу людей, которые стремятся укрыться от окружающего их мира, спрятаться от него, и Зоин отец, помогая ей в этом, обращался с нею как с хрупким и болезненным ребенком. А сама Зоя была воплощенная энергия, силы так и переполняли ее.

— Розовый атлас, — восторженно продолжала она, — затканый жемчугом, представляешь? Мне ужасно хотелось показать тебе его!

Они обсуждали свои наряды, как дети — своих плюшевых мишек. Мари восхищенно всплеснула руками:

— Мне не терпится взглянуть на него! Ну, наверно, на будущей неделе все уже будет хорошо. И мы приедем к тебе. А пока я нарисую тебе что-нибудь — ты повесишь рисунок на стенку в твоей ужасной комнате.

— Не смей ругать мою комнату. Там почти так же уютно, как в будуаре у тети Аликс. — И обе рассмеялись.

В эту минуту в комнату вбежал кокер-спаниель Джой и стал ластиться к Зое, а она, грея у огня замерзшие руки, рассказывала Мари о своих институтских подругах. Великая княжна, жившая почти затворницей, никого не видевшая, кроме брата, сестер, гувернера мсье Жильяра и мистера Гиббса, учившего их английскому, очень любила слушать эти истории.

— Хорошо хоть, что уроки отменили: Жильяр сидит с Беби, а Гиббса я уже неделю не вижу: он боится заразиться корью.

Девочки снова рассмеялись. Мари принялась расчесывать густую ярко-рыжую гриву Зоиних волос: это было с детства их любимым занятием, во время которого они болтали о столичных новостях. Впрочем, с начала войны светская жизнь Петрограда уже не

бурлила с прежней силой; даже Юсуповы, к несказанному огорчению Зои, почти не давали теперь балов и не устраивали приемов. Девочке всегда нравилась толпа гостей — мужчины в разноцветных мундирах, женщины в вечерних туалетах и драгоценностях. Она рассказывала Мари о том, кто за кем ухаживал, кто блистал красотой, а кто был «не в лице», на ком было самое ослепительное кольцо. Это был мир, не имевший себе равных нигде, — мир императорской России. И Зоя, носившая графский титул, состоявшая в родстве с самим государем, чувствовала себя центром этого мира, по праву рождения наслаждаясь его блеском и роскошью. Она и сама жила во дворце, выстроенном как уменьшенная копия Аничкова, она ежедневно общалась с представителями самых громких фамилий русской знати, с людьми, вершившими историю, — и не видела в этом ничего особенного.

— Джой так счастлив теперь, — сказала она, показывая на собачку, возившуюся возле их ног. — Хорошенькие шенки?

— Очень милые, — ответила Мари, чему-то улыбаясь про себя. — Ну-ка, подожди... — Она выпустила из рук заплетаемую косу и подбежала к своему столу. Зоя думала, что она достанет из ящика письмо или фотографию наследника, но в руках Мари оказался маленький флакончик, который она с гордостью протянула подруге.

— Что это?

— Это тебе! — И поцеловала Зою в щеку, покуда та с восхищением вертела в руках флакон.

— Маша! Не может быть! Неужели?.. — Она отвинтила крышечку, втянула ноздрями аромат. — Это они? Да?! — Это и впрямь были любимые духи Мари, которые Зоя выпрашивала у нее уже несколько месяцев. — Где ты их достала?

— Лили привезла мне их из Парижа. Я ведь помню: они тебе нравились. А у меня еще осталось немного в том флакончике, который мама подарила.

Зоя, закрыв глаза, снова понюхала. Как по-детски невинны, как просты и бесхитростны были удовольствия этих девочек — летом долгие прогулки в Ливадии или игры на яхте, скользившей вдоль фиордов!.. Безмятежность этой жизни не смогла нарушить даже война, хотя иногда речь заходила и о ней. В нескольких шагах отсюда, в Екатерининском дворце, лежали раненые, искалеченные люди. Как жестоко обошлась с ними судьба, не пошадившая, однако, и наследника престола. Его неизлечимая болезнь, постоянно угрожавшая жизни, тоже иногда обсуждалась девочками, но уже совсем в другом, серьезном и строгом, тоне. За исключением очень узкого круга приближенных, почти никто в России не знал, что Алексей страдает жестоким наследственным недугом — гемофилией.

— Как он? — спросила Зоя. — Я хочу сказать: корь не отразится... на... — Глаза ее были полны тревоги, и она даже отставила флакончик вожделенных духов.

— Нет, — успокоила ее Мари. — Мама говорит, что состояние Ольги тревожит ее сильнее.

Ольга была на четыре года старше Мари. Эта уже совсем взрослая девушка отличалась, не в пример Мари и Зое, необыкновенной застенчивостью.

— Как хорошо было сегодня в «классе», — сказала Зоя со вздохом. — Ах, как бы я хотела...

— Ну что? — со смехом перебила ее Мари, знаяшая наизусть все затаенные мечты своей подруги. — Чтобы тебя «открыл» Дягилев?

Обе засмеялись, но огонек, вспыхнувший в глазах Зои при упоминании этого имени, разгорелся ярче. Она вообще была яркой — ослепительные волосы, сияющие глаза, стремительно-плавные движения. При всей своей

кажушейся хрупкости Зоя была полна сил и энергии, готовой вот-вот выплеснуться через край. Само ее имя по-гречески означало «жизнь», и нельзя было удачней назвать эту расцветающую юную женщину.

— Да... — призналась она. — И мадам Настова очень хвалила меня.

Девушки посмотрели друга на друга и подумали об одном и том же — на память обоим пришла Матильда Кшесинская, танцовщица, которая была возлюбленной Николая до его встречи с Аликс. Тема эта была под запретом, имя балерины произносилось только шепотом, когда вокруг не было взрослых. Однажды Зоя упомянула Кшесинскую при матери — та пришла в ужас и строго-настрого запретила дочери даже думать о столь не подходящем для барышни предмете, как давнее увлечение государя. Бабушка была не столь сурова и однажды вскользь заметила, что Кшесинская была первоклассной балериной.

— Ты все еще думаешь поступить в Мариинский? — спросила Мари, хотя Зоя уже несколько лет не говорила ей о своей детской мечте.

Мари знала, что для Зои путь на сцену заказан: в должный срок она выйдет замуж, у нее будут дети, она станет такой же великосветской дамой, как ее мать. Ни о каком балетном училище и речи быть не может. Но в этот февральский день так приятно мечтать за чаем о несбыточном — это тешит и радует, как возня кокер-спаниеля Джоя под столом. Жизнь прекрасна, даже несмотря на корь, сразившую чуть не всю августейшую семью. Болтая с подругой, Мари могла позабыть хоть ненадолго о том, какая ответственность лежит на ней. Иногда ей хотелось бы стать такой же свободной, как Зоя. Она прекрасно знала, что довольно скоро родители назовут ей имя ее жениха... Но сначала выйдут замуж две старших сестры, а по-

ка... пока можно смотреть на огонь и думать, каким он будет, этот ее суженый, и будет ли она любить его...

Потрескивали поленья, за окном медленно кружились снежинки. Смеркалось.

— Маша? О чем ты задумалась? — вернул ее к действительности голос Зои, которая совсем забыла о том, что обещала к обеду быть дома. — Ты стала вдруг такой серьезной. — И в самом деле, когда Мари не смеялась, на лице ее появлялось очень сосредоточенное выражение, хотя ярко-голубые глаза продолжали излучать живой и теплый свет, которого были лишены глаза ее венценосной матери.

— Да так... Глупости какие-то лезут в голову. — Она мягко улыбнулась подруге. Им обоим скоро должно было исполниться по восемнадцать лет, и мысль о замужестве невольно посещала обеих. — Я думала о том, за кого мы с тобой выйдем замуж. Не сейчас, конечно, а когда кончится война.

— Я сама иногда об этом думаю. Бабушка говорит, что это в порядке вещей и что я — «барышня на выданье». И еще она говорит, что князь Орлов — прекрасная партия для меня. — Она расхохоталась и трянула головой так, что волосы разлетелись. — А ты... ты за кого выйдешь? Кто он — твой «он»?

— Не знаю. Сначала выдадут Ольгу и Татьяну, а Татьяна такая рассудительная и степенная, она, по моему, и не хочет выходить замуж. — Она была ближе всех к матери и, может быть, хотела бы посвятить себя семье, никогда не покидая родной дом. — А хорошо бы иметь детей.

— Скольких? — поддразнивая, спросила Зоя.

— Человек пять по крайней мере, — ответила Мари: в ее семье было как раз пятеро детей.

— А я хочу шестерых! — убежденно заявила Зоя. — Трех мальчиков и трех девочек.